

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

На протяжении исторического развития общества семья не раз переживала кризисы, связанные с социально-экономическими и политическими изменениями. Особую роль в трансформации семьи играла церковь и государство. Как отмечает известный социолог П.А. Сорокин роль государства и церкви в деле изменения форм семьи и брака – сама собой очевидна, так как через различные законы о разводе, имущественных отношениях они давили на нее и способствовали ее трансформации, в результате чего семья начала терять ряд своих основных функций: она ослабляется как принудительный союз супругов, основанный на власти мужа, она ослабляется как авторитарный союз родителей и детей, основанный на власти первых; ограничиваются ее воспитательски-опекунские функции, она атрофируется как хозяйственный центр (Сорокин П.А., 2008. С. 471–472). Эти явления, протекающие в функционировании семейных группировок расцениваются П.А. Сорокиным как кризис института семьи. Перечисленные им кризисные явления характерны для традиционной семьи, основанной на патриархальной власти и авторитаризме.

То, что происходит в России на современном этапе – вполне закономерный процесс, вызванный коренными переменами во всех сферах общественной жизни страны. Однако рассматривать трансформационные процессы в семейно-брачной сфере российского общества только лишь с позиции социально-экономических и политических преобразований эпохи реформирования на пути перехода от социалистической системы функционирования общества и государства к капиталистической, было бы, на наш взгляд, не совсем верно, так как изменения в функционировании семьи в России начались еще задолго до распада СССР и являются следствием институциональной трансформации семьи, в процессе которой значительную роль играет трансформация формальных норм и правил, регулирующих сферу семейного поведения и семейных отношений.

Изменение общественных институтов, отмечает Т.И. Заславская, служит прямым и непосредственным результатом, как реформ, так и спонтанных общественных трансформаций (Заславская Т.И., 2004. С. 103). Трансформация институциональной системы способна привести к изменениям социетального характера, в результате которых произойдет смена социетального типа общества. Но такой результат возможен при условии глубокой институциональной трансформации. В связи с этим представляется важным выяснить, насколько глубокими, а не внешними, поверхностными являются изменения в функционировании института семьи в современном российском обществе в результате его трансформации. Важность ответа на данный вопрос объясняется тем, что глубокие социетальные изменения возможны только при серьезных глубоких изменениях в базовых социальных институтах, к которым, как известно, относится институт семьи.

Институт семьи в российском обществе и его развитие характеризуются неоднократным вмешательством государства в частную жизнь его граждан, что само по себе представляется вполне закономерным процессом регулирования семейных отношений, однако, характер этого вмешательства не всегда носил логическую последовательность и обусловленность, а также соответствие сложившимся традициям и нормам в сфере семейно-брачных отношений общества. Более того, оно было направлено на их изменение в соответствии с провозглашением новой идеологии развития общества. Однако история показывает, что проводимые «сверху» действия реформаторского характера со временем возымели свое действие, что мы сейчас покажем, проанализировав становление семьи советского типа в процесс ее трансформации на современном этапе в рамках изучения трансформации формальных правил семейных отношений.

Достаточно глубокий анализ того, как складывалась модель русской семьи на протяжении развития российского общества в переломные периоды, дан в статье Шанталь Курильски-Ожвен «Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи» (Шанталь Курильски-Ожвен, 1995. С. 155–168). Модель русской семьи складывалась на основе трех составляющих: культурной модели общества, религиозной модели и правовой модели. Формирование модели русской семьи прошло три этапа: дореволюционный, советский и

постсоветский, который еще не завершен и его контуры не совсем ясны. Мы не будем останавливаться подробно на каждом из этапов, а осветим лишь волнующий нас вопрос характера содержания семейных отношений в структуре семейно-брачных отношений, за точку отсчета взяв русскую патриархальную семью, которая эволюционировала по направлению формирования эгалитарной семьи, процесс формального оформления которой завершился с принятием в 1993 г. новой Конституции России, в которой было провозглашено равенство мужа и жены, а также семейно-брачных прав и обязанностей.

Основной чертой русской культурной модели, которая являлась основой семейной модели, являлось «семейное родство» и «острое чувство человеческого гнезда», «инстинкт родства», что отличало сильно западную модель семьи от русской (*Шанталь Курильски-Ожвен*, 1995. С. 156). При этом именно единство рода выступало более важным, чем сама личность, которая растворялась и поглощалась родом. Материнство и семья выступали важными чертами русской культурной модели, что в совокупности с другими особенностями (мужские и женские роли не так четко и твердо определены, как на Западе, и присутствовала известная степень солидарности в распределении разных работ; наличие свободных семейных союзов, не оформленных официально, как в крестьянской среде, так и в среде интеллигенции, возможность развода, хоть и осложненная различными процедурами; раздельное имущество супругов, большое значение ценности любви и духовности в системе семейных отношений) позволило ученым сделать вывод о том, что русский патриархат нельзя назвать классическим патриархатом, который отличал систему организации семейно-брачных отношений на Западе, с чем исследователи и связывают достаточно сложную борьбу по уравниванию прав между полами, протекавшую на Западе.

По мнению М.В. Рабжаевой, внутрисемейные отношения, основанные на патриархальных принципах, во многом сохраняли традиционные черты к началу XX в., в том числе среди дворянства и интеллигенции, и даже среди образованных людей индивидуализм, соблюдение частного пространства личности не были распространенной практикой (*Рабжаева М.В.*, 2004. С. 90).

Культ матери и материнства в русской культуре тесно связан с православием, наиболее характерными элементами ценностной системы которого являются аффективные ценности: любовь, милосердие, смирение, сострадание, раскаяние. Эти ценности определяются Н. Бердяевым, как женские ценности, которые характеризуют и национальный темперамент и менталитет. Таким образом, материнство является основной категорией религиозной символики русского народа, а, следовательно, и его культурной и семейной модели, что при формально закреплённом на правовом уровне патриархате создавало определенный баланс женской и мужской символики, женственности и мужественности в русской модели в то время, как на Западе доминировала символика отцовства. Определяющее значение и влияние религии на сознание русского народа и его поведение во всех сферах жизни и, прежде всего, семейно-брачной, делали роль гражданского права не столь заметной и сильной в процессе регулирования социальных и семейных отношений, а порой его эффективность рассматривалась весьма скептически, как отмечает Г.Ф. Шершеневич (Цит. по: *Шанталь Курильски-Ожвен*, 1995. С. 162). Логика размышлений Шершеневича сводилась к тому, что право в России и реальность не пересекались, так как сильный разрыв между простым народом и высшим слоем общества не позволял создать семейное право, соответствующее мировоззрению и обычаям различных сторон. Более того, если юридические нормы совпадали с этическими, то необходимость в них отпадала, если же нет, то ввиду замкнутости семейных отношений и их укорененности в микросреде борьба этих норм была неравна, и они благополучно обходились и нарушались.

А разве сейчас ситуация складывается иначе? Многие из женщин, нуждающиеся в алиментах, детских пособиях и имеющие на это формальное право, даже не обращаются в госструктуры (*Гурко Т.А.*, 2008. С. 110–119), так как эффективность их деятельности и реальной помощи не перекрывает затрат на прилагаемые при этом усилия. По данным российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, в 2005 г. менее трети разведенных женщин получали алименты на ребенка (в 1992 г. – 47%), что является следствием несовершенства «алиментного» законодательства РФ (*Гурко Т.А.*, 2008. С. 13).

Такая же ситуация была характерна и характерна и на современный момент для России относительно и других сфер жизнедеятельности, в которых нормы и законы не соответствовали реальности, и тогда критерием нормы и права выступала мораль и обычное право, что позволяло на уровне общественности оправдывать поступки, антиправовые с правовой точки зрения. Все вышесказанное говорит о том, что принимаемые в современном российском государстве нормы и

законы, не имеющие связи с реальностью, не принесут никакой пользы, а если они будут противоречить сложившимся в обществе устоям и нормам поведения, то они будут обходиться, нарушаться и оправдываться в глазах населения. Это четко демонстрируется на примере соотношения принятой эгалитарной модели семьи в Конституции РФ и реального поведения мужчин и женщин в сфере семейных отношений. Подтверждением этому является несоблюдение прав ребенка, защита которых провозглашена и закреплена в Семейном кодексе РФ (Ст. 54–60 СК), в том числе и права детей, оставшихся без попечительства родителей (Ст. 121 СК, С. 155 СК) (См.: Семейный кодекс Российской Федерации. 2008). Так, И.Ф. Дементьева отмечает, что ежегодно в результате семейных ссор совершается около 791 тыс. преступлений между родственниками, в которых 21% пострадавших – дети, а за годы реформ стало распространенным явлением бегство детей из дома; ежегодно около 2 млн. российских детей жестоко избиваются родителями, в том числе каждый десятый погибает; 2 тыс. несовершеннолетних заканчивают жизнь самоубийством (*Дементьева И.Ф.*, 2008. С. 107). Е.А. Шохина отмечает, что причины неблагополучия семьи, и в частности, детей в российской семье лежат в основном в плоскости несовершенства законодательной базы: часть законов устарела и не соответствует реальной ситуации; законодательно закреплённые алиментные обязательства родителей при разводе не выполняются, подходы к реализации этой нормы закона не отработаны; при решении жилищных споров закон исходит из защиты прав собственника, а не жилищных прав несовершеннолетнего; размеры ежемесячных детских пособий крайне низки по сравнению с величиной прожиточного минимума и т.д. (*Шохина Е.А.*, 2009. С. 17).

Возвращаясь к истокам формирования русской модели семьи, подчеркнем, что она представляла собой некий неоклассический патриархат, в основе которого присутствовало сильное переплетение символики женского и мужского с определяющим культом материнства, который был перенесен затем и в семейную модель советского общества, в котором, согласно ряду Конституций 1936, 1944 и 1977 гг. особо подчеркивалась и закреплялась роль матери в контексте ее воспроизводственной и воспитательной функций, что способствовало укреплению института материнской семьи в советском обществе или семьи материнского типа.

Такая политика не способствовала развитию отцовства как феномена семейной жизни, а все воспитание молодого поколения всецело возлагалось на мать. В 1917 г., как отмечает Л.Н. Денисова, в России было провозглашено равенство мужчин и женщин, и в течение XX в. шел поиск путей его реализации, при этом главным моментом фактического равноправия женщины в рамках советской идеологии является ее участие в общественном труде (*Денисова Л.Н.*, 2007. С. 382). Однако, традиционная занятость женщины (ведение домашнего хозяйства и ответственность за воспитание детей) так и остались на женских плечах, и, в результате, равноправие обернулось для женщины тройной нагрузкой.

С.В. Дармодехин весьма нелестно отзываясь о советской социальной политике в отношении института семьи, отмечая ее ограниченность, бессистемность, отсутствие учета институциональных интересов семьи (*Дармодехин С.В.*, 2000. С. 3). Унаследовав прежний патриархальный стиль семейных отношений в России, хоть и специфичный, советское правительство стремительно стало его модернизировать, сохраняя при этом его базовые основания: культ материнства, но при доминировании мужского начала как главы семьи, прежде всего, в экономическом плане. Делалось ли это сознательно или нет, сказать сложно. Однако, за достаточно небольшие по историческим меркам сроки сформировалась модель семьи «советского» типа, что говорит о том, что формальные правила нового советского государства удачно «вплелись» в институциональную модель российской семьи.

Рассмотрим основные периоды семейной политики советского государства, оказавшие сильное влияние на семейные отношения в советской России. М.В. Рабжаева выделяет в своей работе три периода: 1) 1917 г. – середина 20-х; 2) середина 20-х гг. – середина 50-х гг.; 3) 1954 г. – распад СССР в 1991 г. (*Рабжаева М.В.*, 2004. С. 91–95). Для первого периода, по ее мнению, была характерна либерализация семейного законодательства и легитимизация ряда запрещенных в дореволюционной России индивидуальных прав и свобод. Вообще по своему содержанию социальная политика советского государства была на тот момент самой прогрессивной с учетом формального провозглашения равенства женщин и мужчин во всех сферах жизни, утверждения единой гражданской процедуры регистрации брака и облегчения процедуры развода, а также легализации аборт, что явилось большим шагом навстречу женской эмансипации и утверждения ее права контролировать и планировать рождаемость.

Вместе с тем, прогрессивность, во многом, оказалась декларативной, так как женщина при всех правах, возможностях и равноправии оставалась экономически зависима от мужчины, а после развода матери с несовершеннолетними детьми вели нищенское существование (*Рабжаева М.В.*, 2004. С. 91–95). Этому способствовал также закон о раздельном владении супругами имуществом, не оставлявшим после развода женщинам права на семейное имущество, нажитое мужем во время брака. Поскольку подавляющее количество советских женщин в 20-е гг. не работали, они находились в сильной экономической зависимости от мужей, что сводило на «нет» все прогрессивное законодательство тех лет. Таким образом, формальные правила, принимаемые на уровне государства, в начале советской власти совершенно не имели реального применения, и женщина как была под властью мужа, так и оставалась, преимущественно, под ней.

Только в 1926 г., в рамках Кодекса о браке, семье и опеке, вышел закон об общности совместно нажитого имущества супругами. Кроме того, процедура развода была еще более упрощена (развод производился в ЗАГСе и достаточно было одностороннего заявления. Но при всем этом государство, опять-таки, не создало для женщины условий, в которых она, воспользовавшись процедурой развода, была бы в состоянии сама обеспечить детей, а ведь ответственность за воспитание детей, их физическое и духовное самочувствие с нее никто не снимал, и более того, в случае развода она полностью ложилась на плечи женщины.

В первое десятилетие советской власти отмечается большое разнообразие форм семейной жизни (гражданские браки, гомосексуальные союзы), что вновь заставляет обратить внимание на повторяемость событий, связанных с эпохой кардинальных социальных перемен. Именно поэтому второй период семейной политики советского государства ознаменовался сворачиванием либеральных и прогрессивных законопроектов относительно семейных отношений, что проявилось в усложнении бракоразводного процесса, запрете аборт для определенной категории женщин, затем введение платы за эту операцию и введение уголовной ответственности за криминальный аборт для самой женщины, врача и других лиц, вовлеченных в данный процесс. Репрессивная политика советского государства в отношении семьи связана была, по всей видимости, с необходимостью стабилизации института семьи как оплота стабильности молодого советского государства как основного агента социализации и воспитания нового типа личности – советского. Именно в этот период начинает институционализироваться детоцентристская семья (*См.: Голод С.И., Клецин А.А.*, 1994), и в обществе стал постепенно утверждаться иной тип репродуктивного поведения, связанный с сокращением рождаемости и переходом к малодетной семье.

И вновь культ матери стал превозноситься, что, вероятно, связано было также со стремлением повысить уровень рождаемости. Государство активизирует свою работу в области поддержки материнства, детства, оказывая существенную поддержку одиноким матерям, беременным женщинам, но при этом государство формирует целенаправленно новый высокий статус семьи и семейных отношений. Правовое значение получают только официально зарегистрированные браки, ужесточалась процедура развода, а дети, рожденные вне брака, получали статус незаконнорожденных и запрещалось их усыновление. Женщина опять несла за все ответственность сама, так как рожденный вне брака ребенок не имел право носить фамилию отца, да и вообще формально его не имел, так как в свидетельстве о рождении в графе «отец» ставился прочерк, даже если отец и хотел его усыновить.

Соответственно и материальная ответственность за обеспечение ребенка ложилась на женщину, которой частично помогало государство, а отец был освобожден от всякой ответственности по обеспечению и воспитанию внебрачного ребенка. Очевидно, что женщина опять ставилась в зависимость от мужчины, уже даже не только на экономическом, но и эмоциональном уровне, так как при отсутствии со стороны мужчины желания жениться в определенных ситуациях (случайная беременность, например) женщина вынуждена была самостоятельно принимать решение и нести за него ответственность. В данных условиях, на основе жестких формальных норм и правил в обществе стали формироваться семейные устои, первоначальная вынужденность соблюдения которых со временем превратилась в социально одобряемые и приемлемые нормы семейного поведения.

Только после 1953 г. наблюдается смягчение государственной политики в отношении семьи, что коснулось и законодательства об абортах, и поддержке материнства (увеличение отпуска по уходу за ребенком, введение оплаты больничного листа по уходу за заболевшим ребенком). А с 1969 г. начинается новый этап либерализации семейного законодательства с принятием Кодекса о браке и семье. В соответствии с новым законодательством вновь упрощалась процедура развода,

разрешались аборты по личному желанию женщины, признавалось право усыновления в добровольном и принудительном (судебном) порядке, регулировались алиментные отношения, подтверждался режим общей собственности для супругов, а в дальнейшем правительство пошло дальше по материальной поддержке материнства и детства, увеличив отпуск по уходу за ребенком до одного года, затем до 1,5 лет частично оплачиваемый и до 3-х лет без содержания, но с сохранением рабочего стажа и рабочего места (*Рабжаева М.В.*, 2004. С. 94). В результате столь демократичных мер в отношении женщины, в контексте охраны и поддержки материнства и детства, государство стало более надежной поддержкой и опорой женщины-матери, чем муж. При материальной поддержке со стороны государства и отсутствии закрепленной за мужчинами воспитательной функции его роль отца, главы семьи оставалась лишь формальной, почему исследователи и делают вывод о том, что при сохранении гендерной асимметрии в советской семье, как и в дореволюционный период, основной фигурой стала мать.

Теперь совершенно понятно, почему в экономически жестких, крайне неблагоприятных условиях эпохи реформирования на постсоветском пространстве именно женщины смогли наиболее удачно и успешно адаптироваться, не опустившись на «дно» в таком количестве, в каком это произошло с российскими мужчинами. Если в советское время формально главой оставался мужчина, после распада СССР сама жизнь уже сбросила все маски и показала истинное лицо российской семьи, в которой всегда, в любую эпоху на своих хрупких плечах женщина выносила все тяготы непростой жизни в стране, начиная с 1917 г.

Но самое интересное наблюдение, сделанное нами в отношении структурирования формальных правил и их влияния на развитие семейных отношений на современном этапе, заключается в том, что, если проанализировать сущность, эффективность (вернее ее отсутствие) материальной поддержки со стороны государства материнства и детства, то получается, что они призваны опять «загнать» женщину в лоно семейных отношений независимо от ее желания и удовлетворенности супружескими и семейными отношениями, поскольку сегодня женщина с детьми (если говорить о численном большинстве) или с маленьким ребенком на руках не в состоянии самостоятельно обеспечить семью (себя и детей) без мужа, так как помощь государства очень мала (*Гурко Т.А.*, 2008. С. 111), если не сказать, до слез смешна. Даже невозможно реально представить, насколько увеличился бы процент неполных семей в России, если бы вдруг женщины с детьми обрели экономическую свободу и независимость от мужчин.

Тем не менее, женщина научилась адаптироваться в сложных условиях развития российского общества – кризис длится уже не одно десятилетие и осторожность, которую проявляет женщина, планируя свое репродуктивное поведение, возраст рождения первого ребенка, профессиональную карьеру и т.д. является, в том числе, механизмом определенной стратегии социальной адаптации, или правильнее сказать, репродуктивной адаптации женщин в комплексе с факторами трансформации семейных отношений, репродуктивного поведения за последний период Советской власти, когда эгалитаризация существенно затронула сферу семейно-брачных отношений. Таким образом, в российском обществе с сильными традициями материнства и материнской семьи сложилось своеобразное переплетение традиционного, неотрадиционного и посттрадиционного, что и порождает неопределенность и сложность при осмыслении происходящих перемен в сфере межличностного, семейного и институционального взаимодействия.

Однако, исследователи отмечают, что ситуация начинает меняться, и, если мы обратимся к социологическим источникам и выводам в соответствии с ними, то увидим, что, согласно результатам ряда исследований, М.К. Горшков пришел к выводу о переосмыслении значимости традиционных и современных (ассоциирующихся с европейскими) ценностей в российском народе, и чаша весов склоняется в сторону первых по сравнению с данными 90-х гг., т.е. в противостоянии двух моделей альтернативного видения мира: традиционализма и модернизма в последние годы фиксируется явный сдвиг в сторону уменьшения численности модернистов (с 26% до 20%) и роста традиционалистов (с 41% до 47%) при 33% россиян с промежуточным типом сознания; при этом данная тенденция затронула все возрастные группы российского населения (*Горшков М.К.*, 2008. С. 106).

Это лишний раз доказывает, что традиционные ценности, послужившие основой цивилизационной социокультурной идентичности и национального самосознания при цивилизационном формировании и становлении, всегда, или, во всяком случае, еще долго будут противостоять современным модернизационным ценностям, и перевес в ту или иную сторону зависит от различных факторов политического, экономического, социокультурного характера.

А.И. Антонов и С.А. Сорокин обращают внимание на то, что тенденция снижения роста населения наметилась еще в СССР, и политические потрясения 65-х – 90-х гг. наложились на давно уже кризисную семейную ситуацию, и в общественном мнении возобладали представления о перестройке как причине падения рождаемости, хотя, она, безусловно, сыграла свою роковую роль в процессе депопуляции российского народа (Антонов А.И., Сорокин С.А., 2000. С. 339). В последнее время, вопросы, связанные с семьей и стимуляцией рождаемости, стали чаще попадать в сферу российского государственного управления. Речь идет о единовременных выплатах за рождение ребенка, а также увеличение денежного пособия по уходу за ребенком. Однако эти меры, носящие фрагментарный характер, не способны решить спектр накопившихся в семейной сфере проблем, и мы согласны с мнением Т.Ю. Сидориной об абсолютной декларативности проводившейся в последние 10-15 лет социальной политики и ее провала в России (Сидорина Т.Ю., 2005. С. 60).

В рамках данной статьи мы хотим представить результаты исследования по изучению отношения студенческой молодежи к семье и семейным ценностям, которое проведено в 2012 г. методом случайного отбора в Дагестанском государственном университете (ДГУ), Дагестанской государственной медицинской академии (ДГМА), Дагестанском государственном техническом университете (ДГТУ), Дагестанском государственном институте народного хозяйства (ДГИНХ). N – 378. Нами были также опрошены эксперты, в качестве которых выступили сотрудники Дагестанского государственного университета, Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Дагестанского государственного технического университета, Центра социальной помощи семье и детям (г. Хасавюрт). N – 86. (2012 г.)

Эксперты в проведенном нами социологическом исследовании по проблеме состояния института семьи в современном российском обществе при оценке мер, необходимых для решения демографической проблемы в стране, обозначили следующие приоритетные позиции (Таб. 1).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: «Какие меры, на Ваш взгляд, крайне необходимы для более эффективной реализации программы улучшения демографической ситуации в стране и мер по укреплению института семьи?» (%)

Варианты ответов // Образование	Создание комитета по семейной политике в системе администрации (города, области, республики)	Усовершенствование системы контроля реализации программ в области решения семейных и демографических проблем	Усовершенствование системы общественной пропаганды ценностей семьи и семейного образа жизни	Активное освещение семейной проблематики в СМИ	Введение в систему среднего/высшего образования учебного курса «Семьеведение»	Другое
Техническое	5,9	58,8	35,3	11,8	11,8	5,9
Экономическое	25,0	43,8	25,0	12,5	0	12,5
Педагогическое	15,0	55,0	25,0	30,0	20,0	5,0
Психологическое	0	0	0	0	0	0
Социологическое	0	50,0	50,0	0	0	50,0
Юридическое	0	50,0	50,0	50,0	0	0
Историческое	12,5	75,0	43,8	12,5	0	0
Другое	18,2	36,4	27,3	36,4	9,1	18,2
Всего:	14,0	54,7	32,6	20,9	8,1	8,1

На первом месте, как видим, оказались такие меры, как «усовершенствование системы контроля реализации программ в области решения семейных и демографических проблем», на втором – «усовершенствование системы общественной пропаганды ценностей семьи и семейного

образа жизни», а на третьем по значимости месте среди мер по укреплению института семьи и решению демографической проблемы в стране оказалось активное освещение семейной проблематики в СМИ, что, действительно, является действенным механизмом с учетом того, что уже в начале этого века, по результатам социологических исследований, 91 % горожан России ни дня не проводили без телевизора (См.: *Сафарян А.*, 2008. С. 62).

Говорить о несовершенстве и низкой эффективности государственной политики и, в целом, формальных норм по регулированию семейных отношений и их стабилизации можно очень много и долго. Государственная семейная политика современной России просто пестрит принятыми актами, указами, законопроектами, отправным пунктом которых принято считать выход Указа Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики», впервые придавшего, по мнению исследователей, государственный статус семейной политике в России (*Белобородов И.*, 2008. С. 2). Е. Жилинский обращает внимание, помимо необходимости создания нормальных экономических условий для динамичного и стабильного развития семьи, на такой немаловажный фактор, способный повлиять на репродуктивное поведение женщин и, соответственно, изменение демографической ситуации, как решение проблемы в сфере защиты женщин от дискриминации в трудовых отношениях, а также успешной интеграции в трудовой процесс после рождения ребенка, что предполагает создание гибкого рабочего графика, надомного труда, сокращенного рабочего дня, дополнительных рабочих мест и обеспечение безопасности трудовых условий (*Жилинский Е.В.*, 2008. С. 8).

Нам представляется, что наступило время задуматься о роли общества и социальных институтов, способных оказывать влияние, если не на материальные показатели функционирования института семьи, то хотя бы духовные. В частности, одним из важнейших агентов воспитания и социализации является институт образования.

В нашем исследовании был поставлен вопрос о степени необходимости введения курса «Семьеведение» в школьную программу. Большинство студентов придерживаются позиции «можно ввести, но как дисциплину по выбору» (37,5%), в то время как 28,5% считают, что в этом нет «такой необходимости, так как основные знания о семье и семейных ценностях должны прививать родители», хотя 26,6% разделяют суждение «это необходимо». О необходимости введения данного курса в учебную программу при подготовке студентов заявило почти такое количество опрошенных: «можно ввести, но как дисциплину по выбору» (33,8%) и 33,3% разделяют суждение «это необходимо», в то же время 25,3% считают, что в этом нет «такой необходимости, так как основные знания о семье и семейных ценностях должны прививать родители». Аналогичной позиции, что этот курс можно ввести как предмет по выбору, а не в качестве обязательного придерживаются опрошенные эксперты – «в этом нет такой необходимости, так как основные знания о семье и семейных ценностях должны прививать родители» (37,2%), «это необходимо» (31,4%) и можно ввести, но как дисциплину по выбору» (27,9%). Напрашивается вывод о том, что при существующей потребности в получении и систематизации знаний о семье, семейном образе жизни и т.д., участие образовательных структур (школа, ВУЗ и т.д.) не приветствуется, так как многие полагают, причем совершенно верно полагают, что эти знания должны формироваться в семье.

Проведенное исследование свидетельствует, что провозглашение равенства полов, равных прав и обязанностей между мужем и женой, уравнивание понятий семья – отцовство не сняло вопросов о реальном характере и содержании семейных отношений и уж тем более вовсе не означает действительного реального наличия в современном обществе эгалитарных отношений в семейной сфере, поскольку для ее формирования и реального функционирования необходимо создать эффективное, соответствующее новой эгалитарной модели семейных отношений законодательство, которое бы на самом деле позволило выполнять в равной мере свои права и обязанности супругам как во время семейной жизни, так и после распада семьи и т.д.

Кроме того, ценности эгалитарной семьи, в основе которых равноправие, взаимоуважение, доверие, стремление к созданию духовно-психологической общности, близости в семье, воспитание детей в рамках идеалов демократии на основе дружеского участия и уважения к детям как личностям и др., в комплексе с соответствующим законодательством должны транслироваться через основные социальные институты социализации с тем, чтобы новая идеология семьи и семейных отношений воплотилась в дальнейших семейных практиках будущего поколения, воспитанного на идеалах и ценностях формально провозглашенного эгалитаризма в сфере семейно-брачных отношений.

Таким образом, анализ трансформации формальных норм и правил, ограничивающих семейные отношения, в российском обществе, начиная с советской эпохи, показал их преимущественную декларативность, что, при всем прогрессивном и демократичном советском, а затем и постсоветском семейном законодательстве не давало женщине возможности реализации личных семейных стратегий в условиях экономической зависимости от мужа. Таким образом, в обществе, имевшем прогрессивное семейное законодательство, неформальные нормы в большей степени регулировали сферу семейных отношений, нежели формальные до тех пор, пока в конце 70-х – начале 80-х формальные правила не приобрели реальную силу. И вслед за этим наблюдается достаточно быстрое изменение облика советской семьи, ее структуры и сущности. Ее материнская сущность еще в большей степени укрепилась, что соответствует институциональной природе российской семьи, в основе которой всегда был культ матери.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антонов А.И., Сорокин С.А., 2000.* Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М.
- Белобородов И., 2008.* Правовые аспекты современной семейно-демографической политики в Российской Федерации // *Власть.* № 6.
- Голод С.И., Клецин А.А., 1994.* Состояние и перспективы развития семьи. СПб.
- Гориков М.К., 2008.* Российский менталитет в социологическом измерении // *Социологические исследования.* № 6.
- Гурко Т.А., 2008.* Алименты: фактор качественного и количественного воспроизводства населения // *Социологические исследования.* № 9.
- Гурко Т.А., 2008.* Россия: социальная политика в отношении молодых родителей // *Власть.* № 6.
- Жилинский Е.В., 2008.* Социально-экономические аспекты демографической политики России // *Власть.* № 6.
- Заславская Т.И., 2004.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.
- Дармодехин С.В., 2000.* Семья и государство // *Мониторинг социально-экономического потенциала семей.* № 3.
- Денисова Л.Н., 2007.* Русская крестьянка в XX веке // *Гендер и общество в истории / Под ред. Л.П. Репиной, А.В. Стоговой, А.Г. Суприянович.* СПб.
- Дементьева И.Ф., 2008.* Социальное самочувствие семьи // *Социологические исследования.* № 9.
- Рабжаева М.В., 2004.* Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // *Социологические исследования.* № 6.
- Сафарян А., 2008.* СМИ как «четвертая власть» и институт социализации // *Власть.* № 5.
- Сорокин П.А., 2008.* Система социологии. М.
- Сидорина Т.Ю., 2005.* Структура общества и социальная политика: трения и соответствия // *Мир России.* № 4.
- Шанталь Курильски-Ожвен, 1995.* Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи // *Общественные науки и современность.* № 5.
- Семейный кодекс Российской Федерации. 2008. М.
- Шохина Е.А., 2009.* Политические аспекты социальной защиты семьи и охраны детства в Российской Федерации. Автореферат дисс... канд. полит. наук. М.